

Спор о том, что социальным строем Древней Руси является феодальный, теперь уже стал беспредметным. Установление этого постулата, уже общепринятого в марксистской историографии, принадлежит советской исторической школе¹.

Однако по-прежнему дискуссионным является вопрос о ее дофеодальном периоде. Несмотря на то, что аргументы, приведенные советской школой историков в 40—50-х годах, не могут

Е. В. Махно

**НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ К ИСТОРИИ
ИЗУЧЕНИЯ ДОФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

вызывать сколько-нибудь серьезных возражений, спор этот продолжается. Поэтому не бесполезным будет напомнить о некоторых фактах к истории изучения дофеодального периода Древней Руси, в разработке которых самое активное участие принимали археологи Украины, и в первую очередь В. И. Довженок.

Для советской исторической науки, и особенно для археологии Украины, это было трудное время становления.

Полностью раскопанное к этому времени Райковецкое городище² (погибшее в пожаре батыевского нашествия) помогло решить давно дискутирующийся вопрос о феодализме в Древней Руси. Вопросы археологии теперь приобрели актуальность и вызвали к ней живой интерес в самых широких кругах населения.

Известно, что южная часть территории, на которой позднее располагалась Киевская Русь в первые века нашей эры, была занята антами.

Анализ письменных источников приводит исследователей, авторов указанных работ, к единодушному заключению, что анты были многочисленной могущественной веткой восточных славян³. Они располагались в основном в лесостепной полосе между реками Дунай и Дон. Их хозяйственной базой было земледелие и скотоводство [ВДИ, с. 313, 333], а общественный строй — военная демократия. Походы антов на Византию являлись результатом происходившего среди них процесса феодализации и образования военно-феодалных дружин с вождями во главе [ВДИ, с. 314], этот процесс интенсивнее всего проходил в Среднем Поднепровье [ВДИ, с. 333].

Б. А. Рыбаков в названной статье «Анты и Киевская Русь» обращал также внимание на хорошо известные и давно установленные факты «о появлении в VI в. антов на северной границе Византии», об их «вторжении в землю Ромеев» и, наконец, «о вступлении их на путь широких вторжений в Восточную Римскую империю», что именно «с этого времени антов можно встретить и на Дунае, и в Италии, и далеко в глубине Балканского полуострова» [ВДИ, с. 334].

Изложенные здесь и подобные им обстоятельства позволяют Б. А. Рыбакову поднимать вопрос о необходимости изучения антов как непосредственных предшественников Киевской Руси, поскольку их «общественный строй представляет для нас особый интерес, так как позволяет определить тот фундамент, на котором возникло Киевское государство» [ВДИ, с. 319—320, 326].

В широком обсуждении вопросов, касающихся антов, известных по письменным источникам, принимали участие в буквальном смысле все: научные сотрудники, аспиранты, ассистенты, лаборанты.

Оставалось, однако, неясным, каким же было их археологическое выражение. Предположение Б. А. Рыбакова о том, что культурой антов является роменская археологическая культура [ВДИ, с. 323—326], было сразу же опровергнуто П. Н. Третьяковым. Его тщательная разведка на правом берегу Днепра показала, что памятники этой культуры здесь отсутствуют.

Следовательно, территория распространения антов по письменным источникам и данные о роменской археологической культуре не совпадают. Уточнение датировок роменской культуры также подтвердило ошибочность этого предположения.

Таким образом, в начале 40-х годов оставалось не выясненным, какая же из известных археологических культур является культурой антов. Но состояние археологических источников не позволяло даже предположительно высказать новые, заслуживающие внимания гипотезы.

Естественно было ожидать этот ответ от отдела феодализма, в составе которого работал и В. И. Довженок. Этот отдел развернул широчайшую программу действий по выявлению и обработке для публикации археологических коллекций I и II тысячелетий н. э. во многих музеях Украины. К работе над этими вопросами привлекались крупные специалисты Ленинграда и Москвы (в том числе М. К. Каргер, Г. Ф. Корзухина, П. Н. Третьяков).

Однако главное внимание на данном этапе было уделено памятникам предшествующего Киевской Руси времени, которые и должны были дать ответ на остро стоящий вопрос о дофеодалном периоде Киевской Руси.

Наиболее известными в то время были открытые В. В. Хвойкой памятники зарубинецкой и черняховской культур, существовавшие тогда под

общим названием «поля погребений». Они и должны были составить основное ядро изучаемых первоисточников, тем более что В. В. Хвойка считал их славянскими. Предполагалось создать корпус, в 1-й том которого по предварительным наметкам должны были войти материалы Киевского, Житомирского, Белоцерковского и Черкасского музеев, к обработке которых сразу же и приступили.

Для быстрейшего и более качественного выполнения этой работы был привлечен широкий круг исследователей, в который кроме сотрудников Института археологии (М. И. Самойловский, В. Е. Козловская, М. Л. Макаревич, М. И. Фещенко) вошли научные сотрудники музеев Киевского (С. В. Корщенко), Харьковского (Луцкевич), Львовского (М. Ю. Смишко, Фенип) музеев. В этой работе посчастливилось принимать участие и автору.

Особое внимание было уделено изучению летописных материалов. Эта часть работы была возложена на В. И. Довженка. Обработке были подвергнуты все варианты летописных сводов. Производилась самая тщательная фиксация данных о характере общественного устройства, законодательства, уровне земледелия, постановке военного дела в Древней Руси и т. д.

В результате напряженной работы для 1-го тома корпуса были подготовлены к печати обширные материалы, выполненные на основании фондов Киевского, Харьковского и Львовского музеев.

В короткое время отделом феодализма осуществлены также широкие полевые работы. Под руководством И. М. Самойловского на протяжении 1939—1941 гг. почти полностью раскопан спасенный от разрушения кирпичным заводом могильник зарубинецкой культуры у с. Корчеватое. Тогда же проводились исследования поселения черняховской культуры, с гончарным горном у с. Никольское, Солонянско-го р-на Днепропетровской обл. В 1940 г. была проведена обширная разведка по следам В. В. Хвойки вокруг Киева с пробными раскопками на поселении,

в свое время исследованном В. В. Хвойкой в уроч. Осова у с. Жуковцы Обуховского р-на.

Ознакомившись с материалами разведки и раскопок у с. Жуковцы, В. И. Довженок с присущей ему проницательностью тогда же, еще в 1940 г., первый высказал предположение о принадлежности памятников черняховской культуры антам.

Более чем двухлетняя оккупация Киева не смогла остановить поступательного развития археологической науки. Несмотря на то, что и после освобождения Киева В. П. Петров и В. И. Довженок продолжали на фронтах войны выполнять свой патриотический долг воинов-освободителей, Институт возобновил работы по исследованию славянских памятников. Ведущий научный состав Института уже в 1944 г. пополнился крупными специалистами-археологами. Общее руководство Института принял на себя академик И. И. Ефименко, незаменимым организатором издательского дела стал М. Я. Рудинский.

Отечественная война еще продолжалась, но Институт археологии смог (при поддержке Н. П. Бажана) получить ассигнования, позволившие уже в начале 1945 г. широко развернуть полевые исследования на всей территории Украины по всем разделам археологической науки. Особое внимание было уделено памятникам периода Киевской Руси, а также памятникам, предшествующим ее образованию.

При неизменном участии архитекторов Киева и местных исторических музеев продолжались начатые еще в 30-х годах исследования наиболее крупных древнерусских городов — Киева, Чернигова, Переяслава. Проводились работы также в Вышгороде, Любече, Шестовице, Полтаве. Были продолжены раскопки в Городске и Райковецком городище, а также Плисенске.

В план работ были включены планомерные и систематические исследования поселений черняховской культуры. В эти же годы было положено начало функционированию постоянно действующей маршrutной экспедиции

«Большой Киев». Проводились также систематические разведки по Тетереву, Роси, Раставище, Тясмину, в Подиестровье и на Южном Буге, а также в Посеймье, Посулье и по Ворскле. Достигновения полевых исследований сразу же становились достоянием широкой научной общественности⁴.

Уже упоминалось, что в археологической науке актуальнейшим был вопрос о дофеодалном периоде, и это определяло все возрастающий интерес к памятникам, в частности к поселениям I тысячелетия н. э. Коллектив исследователей, подготовивший по руководством В. П. Петрова к публикации фондовые материалы этого времени по собраниям Киевского, Харьковского, Львовского музеев, в известной мере был готов к выполнению этой задачи.

Массовые материалы, поступившие в фонды Института в результате многочисленных разведочных экспедиций, уже в 1945—1948 гг. очерчивали огромную территорию, насыщенную памятниками, в основном поселениями черняховской культуры. Раскопки этих поселений охватывали Среднее Приднепровье (на правом — Жуковцы, Ягнятин, Пражев, на левом берегу — Кантемировка), прилегающий к нему с запада бассейн Иквы — в верховьях Стыря (Волица, Костянец); по течению Днестра, в его верховьях — Неслухов, Викнины Великие; в средней части — Лука-Врублевецкая; а также в среднем течении Южного Буга — Грушевка⁵.

Уже при пробных разведывательных раскопках на Пражевском поселении найдена втулка от железного наральника, а на Ягнятинском — носовая часть. Если же вспомнить, что еще в 20-х годах на поселении черняховской культуры у с. Коровинцы Сумской обл. найдено железное чересло, то сведения о колесном плуге черняховской культуры налицо. Кроме того, на Ягнятинском поселении найден железный меч с длинной рукоятью и боевой нож типа скрамосакса, а на полу жилища на Жуковецком поселении — наконец-ник копья с втулкой.

Важным обстоятельством явилось

также то, что на материале Жуковецкого поселения из раскопок 1946 г. и Ягнятинского — раскопок 1946—1947 гг. установлена генетическая связь между гончарством Киевской Руси и черняховской культурой, поскольку изготовление посуды в обоих происходило на медленном гончарном круге ленточным способом. Подробный разбор формовки деталей свидетельствовал об усовершенствовании этих приемов с течением времени.

Кроме того, на многих исследуемых поселениях, кроме Черняховского, был обнаружен еще и слой Киевской Руси (Неслухов, Лука-Врублевецкая, Жуковцы, Ягнятин). При этом насыщенность культурного слоя находками, их стратиграфическое распределение, наличие данных о генетической преемственности в гончарном производстве [АП, 3, с. 159] позволили прийти к заключению о непрерывном существовании этих поселений на протяжении I — начала II тысячелетия н. э., а также высказать твердое убеждение о непрерывности в это время исторического процесса на Приднепровье и Поднестровье [АП, 1, с. 204; АП, 3, с. 364-365; АП, 1, с. 175; АП, 3, с. 165, 241].

Разведки и раскопки поселений черняховской культуры привели, таким образом, исследователей к единодушному мнению о том, что памятники черняховской культуры на территории Украины оставлены многочисленными раннеславянскими племенами — восточной веткой ранних славян — антами.

М. А. Тиханова в это время писала: «...касаясь этнической принадлежности населения ... наиболее вероятно видеть в нем местное оседлое земледельческое население ... ранних славян — антов, которые заселяли в первые века нашей эры территорию между Днестром и Днепром» [АП, 1, с. 182].

М. К. Каргер в 1944 г. не допускал иного решения этого вопроса. Гарантией правильности этих выводов было полное совпадение данных письменных и археологических источников, характеризующих разные стороны и черняховской культуры, и антов, а именно:

их многочисленность, территорию распространения, хронологический диапазон и уровень экономического развития.

Все факты, кратко изложенные, позволяют суммировать следующее: многолетние усилия большого коллектива историков и археологов, обрабатывающих наиболее тщательно и в широком плане письменные источники и памятники материальной культуры, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, пришли к вполне обоснованным заключениям, кратко сформулированным академиком Б. Д. Грековым в работе, вышедшей в конце 1944 г.⁶ Он писал: «Привлекая добытые археологами факты, вынуждены признать, что общественный строй антов далеко не примитивен. Перед нами военная демократия не в начальной своей стадии, а в последней». Этим и объясняется «...появление значительных политических объединений и крупных вождей, способных вести большие, организованные по-военному человеческие массы на серьезные военно-политические предприятия». Поскольку основой общественной жизни является материальная культура, академик Б. Д. Греков подчеркивал: «Успех антского оружия был подготовлен количеством добываемого металла, выучкой ремесленников, распространностью ремесленных навыков...». Изложенные в данной статье факты свидетельствуют, что самые первые сведения о железодельном производстве (в виде железных наконечников наральных мечей, наконечника копья) были получены уже в самом начале исследования поселений (полей погребений, как говорили тогда, черняховской культуры, как говорим теперь). Именно этим и решался вопрос о дофеодальном периоде Древней Руси. Стало ясно, что его корни уходят в антский период.

Этому вопросу была посвящена статья, написанная В. И. Довженком в соавторстве с М. Ю. Брайчевским, под названием «О времени сложения феодализма в Древней Руси»⁷.

Опираясь на археологические открытия, авторы статьи приходят к обосно-

ванному заключению, что периоду Киевской Руси, которая сформировалась как высокоразвитое феодальное государство, предшествовал длительный путь исторического развития славян. На стадии же дофеодального периода находились восточнославянские племена антов, предшествующие Киевской Руси.

Появление в этот период плуга с железным наконечником сразу же повлекло за собой повышение продуктивности земледельческого производства и получение гарантированного прибавочного продукта. Земледелие, таким образом, становится достаточно продуктивным, чтобы давать какое-то количество прибавочного продукта, могущего быть превращенным в товар. Продукция ремесел (гончарного, железодельного, ювелирного, косторезного и т. д.), выделяющихся у антов в самостоятельные отрасли производства, также была рассчитана на рынок.

Общественное разделение труда и возникновение постоянного внутреннего рынка обусловили появление денежной торговли. Римская монета служила в антском обществе денежным знаком и имела внутреннее хождение. В несколько более позднее время эти же функции выполняла монета арабской чеканки.

Уровень техники земледелия у антов при наличии коллективной собственности на землю способствовал закреплению индивидуального землепользования (при наличии переделов), которое в конечном итоге повлекло за собой имущественное, а затем и социальное расслоение.

Многочисленные клады римских монет и вещевые, среди которых были и значительные, являются доказательством того, что в антском обществе существовало имущественное расслоение. Письменные источники сохранили свидетельства о социальной верхушке князей и вельмож, узурпировавших власть, сделав ее наследственной. Сохранились некоторые имена представителей этой власти, которые дошли до наших дней.

Учитывая эти обстоятельства, авторы статьи приходят к заключению, что

антское политическое объединение является лишь звеном в цепи исторического развития того периода, когда на развалинах разрушаемой рабовладельческой системы хозяйства в Западной, Центральной и Восточной Европе складывается ряд государственных объединений и возникает новый феодальный строй.

Следовательно, разработка одного из важнейших вопросов советской исторической науки «о дофеодальном периоде Древней Руси», поставленного академиком Б. Д. Грековым со всей категоричностью и научной обоснованностью в начале 30-х годов, успешно продолжалась и в 50-е годы. Источником этих разработок были упомянутые материалы широко развернувшихся на территории Украины археологических исследований 40-х годов. Эта работа была продолжена В. И. Довженком и М. Ю. Брайчевским и в последующее время, доказательством чего является то, что оба автора приняли участие во Всесоюзном совещании, посвященном проблемам возникновения феодализма у народов СССР, состоявшемся в Москве⁸.

Проблеме возникновения феодализма у восточных славян на данном совещании было посвящено 5 сообщений, но направляющими его работу были два взаимно дополняющие друг друга выступления: Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточных славян (В. И. Довженок); Производственные отношения у восточных славян в период перехода от первобытнообщинного строя к феодализму (М. Ю. Брайчевский).

Приведенные ниже отрывки из зачитанной на данном совещании работы В. И. Довженка не вызывают сомнения в обоснованной позиции автора и его исследовательской направленности по обсуждаемому вопросу.

А именно: «Основным источником для освещения социально-экономических явлений в восточнославянском обществе в период, предшествующий образованию Древнерусского государства, когда у восточных славян складывались феодальные отношения, яв-

ляются археологические памятники черняховской культуры». Письменные источники «...не противоречат показателям археологических памятников, а подтверждают их».

«Первое в хронологической последовательности место среди археологических памятников на восточнославянских землях периода, когда складывались предпосылки феодальных отношений, принадлежит памятникам черняховской культуры ... ближе к истине находятся те, кто считает эту культуру славянской... не было и не могло быть в первой половине I тыс. на этой территории другого, столь многочисленного оседлого народа, создавшего свою культуру и оставившего после себя также огромное количество памятников»⁹. Установлено, что создатели черняховской культуры находились на той ступени социального развития, когда интенсивно проходит процесс имущественной дифференциации.

Сейчас уже известно, что эти предпосылки создаются еще в недрах первобытного строя.

Пашенное земледелие появилось еще при наличии общинной земельной собственности. Но именно оно обусловило переход к индивидуальной обработке общинной земли, при которой продукт труда земледельца является его частной собственностью и поэтому может служить средством к обогащению.

Конкретным примером перехода земель в частное пользование является раскопанная у с. Леськи Черкасской обл. богатая усадьба черняховской культуры, состоящая из нескольких построек и расположенная в не очень удобном для земледелия месте. Но получив указанный участок в частное пользование и применяя метод интенсификации, можно получить больше выгоды, чем на участке более удобном, но полученном для пользования на небольшой срок.

Выделенные же в частное владение участки земли, таким образом, в дальнейшем становятся «основной производственной ячейкой, которая в рамках феодальной собственности обеспечивает возможность феодальной эксплуатации».

Указанный и подобные обнаруженному в Леськах факты свидетельствуют о появлении в антском обществе не только определенного рода зародышей будущего хозяйства древнерусского смерда, характерного для эпохи Киевской Руси, но и являются подтверждением мнения, высказанного академиком Б. Д. Грековым о возникновении частного землевладения на Руси в VI—VII вв. н. э.

Пашенное земледелие и применение плуга с железным наконечником подняло производительные силы Европы на такой уровень, который уже не соответствовал рабовладельческому способу производства¹⁰.

Поэтому процесс внутреннего расчленения восточнославянского общества у антов вел к феодализму, при котором свободный мелкий производитель постепенно превращался в подданного, обязанного определенными повинностями. На Руси господствовали главным образом повинности, известные по источникам под названием древнерусской дани¹¹.

Изложенное выше позволяет признать, что творческое содружество В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского позволило создать наиболее прогрессивное направление по наиболее актуальному вопросу в славяноведении — вопросу о дофеодальном периоде Древней Руси.

Возглавить это направление помогло В. И. Довженку то обстоятельство, что еще в конце 30 — начале 40-х годов он тщательно проработал летописные своды и извлек из них все возможное для дальнейшей расшифровки вопросов о социальном и экономическом строе Древней Руси.

Именно поэтому В. И. Довженку, более чем кому-либо другому, были близки и понятны призывы академика Б. Д. Грекова о необходимости изучения периода, предшествовавшего Древней Руси. К этому обязывала и его фундаментальная работа «Земледелие Древней Руси», которую даже самые взыскательные критики ставили в один ряд с капитальным трудом Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси».

Дальнейшее продвижение по изуче-

нию материалов, касающихся I тыс. н. э., невозможно без учета материалов, добытых в 30—40-е годы, без учета созданного академиками Б. Д. Грековым и Б. А. Рыбаковым, а также В. И. Довженком, много лет возглавлявшим отдел славянорусской археологии в ИА АН УССР.

¹ *Проблемы возникновения феодализма у народов СССР.*—М., 1969.—С. 71—74.

² *Мовчанівський Ф. М.* Матеріали дослідної роботи Райковецької археологічної експедиції 1934 р. // Наукові записки ПМК.— 1937.— Кн. 2.— С. 35—65; *Молчановский Ф. Н.* Обработка металла на Украине в XII—XIII вв. по материалам Райковецкого городища // Проблемы истории докапиталистических обществ.— 1934.— № 5.— С. 83—92; *Маслов В. И.* Рільницьке знаряддя і техніка за пам'ятками Райковецького городища феодальної доби // Наукові записки ПМК.— 1937.— Кн. 1.— С. 43—84.

³ *Державин Н. С.* Об этногенезе древнейших народов Днепровско-Дунайского бассейна.— С. 279—289; *Мишулин А. В.* Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи.— С. 290—307; *Горянов Б. Т.* Славянские поселения VI в. и их общественный строй.— С. 308—318; *Рыбаков Б. А.* Анты и Киевская Русь.— С. 319—337; *Греков Б. Д.* История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Василевского.— С. 338—351; *Лившиц Е. Э.* Восстание Фомы славянина и византийское крестьянство да грани VIII—IX вв.—С. 352—365.

⁴ Институт археологии под непосредственным руководством ученого секретаря М. Я. Рудинского издавал тогда два типа сборников: «Археологічні пам'ятки», в котором публиковались материалы проводившихся раскопок и разведок. «Археологія» был предназначен в первую очередь для законченных и сводных исследований, но также и для первичных публикаций.

⁵ *Публикации* этих материалов посвящены «Археологічні пам'ятки».— 1949.— 1.— С. 153—208; 1952.— 3.— С. 154—168, 223—230 и 315—378.

⁶ *Греков В. Д.* Культура Киевской Руси.— М., 1944.—С. 20—21.

⁷ Опубликовано в журн. «Вопросы истории».— 1950.— 8.— С. 62—77.

⁸ *Проблемы возникновения феодализма у народов СССР.*—М., 1969.—С. 28—52, 111—114; Основной задачей совещания было способствовать научной критике буржуазных социологов и историков, отрицающих существование естественно-исторического процесса.

⁹ Там же.— С. 28, 29.

¹⁰ Там же.— С. 40, 44; *Греков Б. Д.* Генезис феодализма в России // Вопросы истории.— 1952.— № 5.— С. 37.

¹¹ Там же.— С. 50—52.